

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.3.4>

УДК 316.33

ББК 60.5

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: СЕТЕВЫЕ ОСНОВАНИЯ¹

Даниил Александрович Аникин

Кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского
dandee@list.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Алена Сергеевна Сивоконь

Аспирант кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского
alyonasivokon@yandex.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается перспектива исследования социальной памяти с позиции акторно-сетевой теории. Методологический и категориальный аппарат акторно-сетевой теории позволяет выявить динамическое измерение социальной памяти. Включаясь в сетевые структуры, социальная память теряет свою целостность и определяется связями, возникающими между топосами социальной памяти. Именно связями обусловлена социальность памяти.

Динамическое понимание социальной памяти позволяет переосмыслить устоявшиеся представления о прошлом и настоящем. В контексте сетевого исследования временная процессуальность не является доминирующим фактором, поскольку посредством памяти прошлое становится актуализированным (настоящим). С позиций сетевого подхода переоценивается существующая классификация типов социальной памяти. Акторно-сетевая теория нивелирует принципиальное различие локальной (индивидуальной) и глобальной (коллективной) типов памяти вследствие понимания социальной памяти в качестве сетевой матрицы.

Ключевые слова: социальная память, акторно-сетевая теория, топос, история, сеть.

Методология изучения социальной памяти прошла несколько стадий, выделяемых в соответствии с формулировкой основных вопросов и обозначением определенных черт изучаемого феномена. На первой стадии французский социолог М. Хальбвакс, опирающийся на функционалистский подход Э. Дюркгейма, поставил вопрос о важности неререфлексируемых представлений о прошлом в контексте стабильности создания и функционирования таких социальных институтов, как семья или религия

[8, с. 13–17]. Таким образом, первый вопрос, адресованный социальной памяти – это вопрос о ее роли в социальной реальности.

На второй стадии, представленной структуралистской и постструктуралистской методологией (прежде всего, П. Нора), в центре внимания исследователей оказалась проблема дробления единого пространства памяти на отдельные топосы (места). Характерно, что внутренняя противоречивость постструктурализма, выраженная У. Эко в проти-

вопоставлении онтологического и гносеологического течений, нашла отражение в «размытой» трактовке единства пространства памяти. Если с точки зрения онтологического структурализма единое пространство памяти действительно существовало, а в настоящий момент времени мы можем наблюдать его распад под влиянием политических, культурных и информационно-технологических факторов, то гносеологический структурализм, несомненно, более перспективный, предлагал говорить об изменении «оптики» исследовательского взгляда, благодаря чему кажущееся единство перестало выглядеть таковым. Иначе говоря, главным достижением второй стадии стала постановка вопроса о множественности социальной памяти.

В условиях глобального мира проблематика памяти приобретает все более острое звучание. Эпоха информатизации не только требует формирования новых механизмов обращения к прошлому, но выстраивает новые стратегии актуализации этого прошлого. По сути, можно говорить о вступлении исследований социальной памяти (memory studies) в третью стадию методологического развития, представленную акторно-сетевым подходом и близкими к нему концепциями (например, процессуально-релятивистским подходом Д. Олика) [6]. На этой стадии исследовательская оптика смещается от множественности к возможности социальной памяти приобретать / терять свойства относительной целостности за счет включения в различные сетевые структуры. Поэтому главным вопросом третьей стадии становится вопрос о характере связей между топосами социальной памяти и их динамикой.

Следует сразу оговориться, что проблематика социальной памяти исследуется множеством наук, из чего следует многозначность определений и интерпретаций. В рамках социальной памяти выделяется культурная память, историческая память, индивидуальная и коллективная память и т. д. Многообразие подходов не позволяет сформулировать общепринятой дефиниции социальной памяти, поскольку происходит дифференциация, размежевание понятийного аппарата внутри исследований социальной памяти.

С позиции сетевой теории перед изучением социальной памяти необходимо выяснить

то, что делает память социальной. В качестве наиболее общего определения социальной памяти приводятся подобные дефиниции: «Социальная память – это совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных значений и массовых представлений социума об общем прошлом» [7, с. 12]. Это определение дает нам понять, что социальная память – это память социума; становится очевидным логический круг, в который мы попадаем, определяя социальное через социальное. Б. Латур в своей книге «Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию» указывает на эту порочную ошибку социально-гуманитарных наук. Акторно-сетевая теория при исследовании социальных феноменов в первую очередь задает вопрос: «Что такое социальное? Каким образом что-либо приобретает характеристику социального?»

В этом смысле социальный характер памяти заключается не в наличии определенных воспоминаний, которые носят надындивидуальный характер и являются лишь инкорпорированными в сознание отдельных индивидов. Социальность является результатом включенности памяти в существующие системы взаимодействий, которые и придают отдельным образам прошлого социальный характер, «насыщают» их теми характеристиками, которые не присущи самому содержанию.

Принимая установку о том, что общество существует в качестве самостоятельного континуума и имманентно присутствует, наделяя феномены специфическими характеристиками, за «позицию по умолчанию» [4, с. 15], исследователь с точки зрения акторно-сетевой теории отдаляется от подлинного изучения явлений. Акторно-сетевая теория исходит из положения, что общество «не является всеохватывающим контекстом... должно мыслиться как один из множества связующих элементов, циркулирующих внутри тонких потоков» [4, с. 16]. Поэтому социальная интерпретация не дает исследователю знание о предмете, а всего лишь «подразумевает способность заместить некоторый объект, относящийся к природе, другим, принадлежащим обществу, и показать, что именно он является истинной сущностью первого» [3, с. 344]. Общество – это совокупность связей и отношений между акторами (людьми и не-людьми),

оно формируется действиями. Это означает, что любой социальный феномен определяется характером связей с другими феноменами. Следовательно, социальное исследование – это прослеживание связей и отношений.

Существенной характеристикой социальной памяти является ее сетевой характер, то есть она представляет собой *совокупность актуальных связей и отношений акторов во времени и пространстве*. В этом смысле социальная память включает в себя историческую, культурную и другие виды памяти, поскольку все они есть не что иное, как система отношений и взаимодействий. Память всегда направлена в прошлое, но амбивалентна по своей сути: она актуализирует прошлое в настоящем. Однако память не существует сама по себе, она конституируется на основе моментов – топосов истории, то есть «символически значимых элементов исторической действительности» [1, с. 40]. Нужно отметить, что эти топосы не обладают гомогенной структурой, они состоят из феноменов, принадлежащих разным порядкам. Тексты, личности и народы, памятники и монументы, праздники и ритуалы, предки, потомки и современники – все это акторы, выражаясь в терминологии акторно-сетевой теории. Безусловно, что все вышеперечисленное является текстом в постструктуралистском смысле этого слова. Акторно-сетевая теория является наследницей постструктурализма в контексте примата материального, а также в том, что «все создано отношениями и участвует в их создании» [5, с. 30]. Однако, в отличие от постструктурализма, акторно-сетевая теория не ограничивается современностью и ее границами, она предлагает методологию, посредством которой может быть описан не только современный век, но и вся деятельность человека по преобразованию мира, то есть феномену социальной памяти придается динамическое измерение.

Говоря о памяти, нельзя не коснуться понятия «история». Релятивизм акторно-сетевой теории позволяет взглянуть на историю под новым углом, а именно – говорить об истории как пространстве памяти. Пространство памяти структурируется деятельностью и отношениями акторов: и объектов, и субъектов. Следовательно, это пространство формируется и становится возможным только через акторскую

сеть – характеристику тотального, распределенного в пространстве и времени взаимодействия, локализованного и опосредованного акторами. Актор и сеть становятся неразделимы, принадлежат одной реальности: так рождается понятие акторской сети. Отсутствие сети взаимоотношений означает отсутствие пространства. Сетевая матрица пространства памяти объединяет гетерогенных акторов, которые принадлежат не просто разным порядкам (человеческие и нечеловеческие), но и разным временам – прошлому и настоящему. В рамках такого специфического понимания пространства памяти можно утверждать, что субстанциальное понимание прошлого как нерелевантного настоящему снимается. Любой актор, наш с вами современник, вступая во взаимодействие с любым актором из прошлого, самим фактом своего действия не только связывает себя с прошлым, но актуализирует его не только для себя, но и для всей сети. Границы прошлого как существующего «тогда» стираются, оно становится существующим «сейчас», поскольку способно действовать само и опосредовать действия других. Взаимодействие акторов в сети позволяет не просто здесь и сейчас актуализировать прошлое в виде настоящего посредством воспроизведения события прошлого, но окончательно преодолеть в пространстве памяти дихотомию прошлого и настоящего. Временная процессуальность и принцип историзма при пространственно-сетевом подходе теряют свою доминирующую роль.

Таким образом, посредством онтологизации деятельности мы можем говорить не о каком-то абстрактном «далеком прошлом», а о живой современности, актуальном настоящем, созданным сетью взаимодействий. Такая сеть пространства памяти гибка и активна, все участвуют в ее создании (и люди, и не-люди), которое совершается всякий раз, когда мы имеем дело с историей или обращаемся к прошлому. Память – это феномен настоящего, поэтому даже то прошлое, которое является ее содержанием, должно изучаться.

В гуманитарных науках принято выделять индивидуальную и коллективную память (групповую, национальную, глобальную). Согласно этой позиции коллективная память включает в себя индивидуальную память как обобщенный образ представлений о прошлом отдельных людей. Ключевое различие этих

двух типов памяти состоит в том, что индивидуальная память формируется в большей степени посредством самообразования, а коллективная память – это управляемый и контролируемый извне феномен, который подвержен различным трансформациям и манипуляциям. Следуя той же логике, разделяется локальная история (семейная, этническая) и глобальная история (национальная, мировая).

С точки зрения акторно-сетевой теории принципиальной разницы между перечисленными типами памяти нет. В каком-то смысле коллективная память индивидуальна, а индивидуальная память коллективна. Ведь и отдельный индивид, и крупный коллектив при любом своем обращении к прошлому вовлекаются в гетерогенную сеть отношений (создавая ее при этом), в которой количество субъектов перестает играть какую-либо роль, где отдается приоритет самому факту совершившегося взаимодействия и появившейся сети. Каждый актор сети (в смысле индивид) формирует коллектив, а любой коллектив сети – это совокупность связей акторов.

Сетевой подход, по сути, нивелирует принципиальность бинарных оппозиций между индивидуальным и коллективным, государственным и региональным, поскольку каждый из представленных типов воспоминаний становится лишь одной из возможных траекторий отношения к прошлому. Принципиально в данном случае то, что возможность описания данной траектории опирается лишь на анализ сопрягающихся с ней альтернативных траекторий. В этом смысле сетевой подход к социальной памяти не только позволяет по-новому осмыслить проблему сочетания личного и социального в процессе обращения к прошлому, но и переформатировать суть рассмотрения глобального и локального.

Дело в том, что набор представлений о прошлом, свойственный определенному локальному сообществу, «вплетен» в сеть пространства памяти глобальных образований и формирует ее. Данная особенность может рассматриваться и в обратную сторону – пространство глобальной истории содержит и образует пространство локальной истории. Подобная амбивалентность локального и глобального является отличительной чертой сетевой пространственности. Сеть принципиально не иерархична, она не приемлет вертикальных структур.

Циркуляция ресурсов и трансляция ценностей в сетевых пространствах необходимо осуществляется посредством горизонтальной передачи. Поэтому гибкость, активность и поиск новых связей становятся приоритетными свойствами сетей. В отсутствие актуальности таких категорий, как «верх – низ», «локальное – глобальное», «прошлое – настоящее», «близкое – далекое», уничтожается привычная система координат, в которой мыслится мир. Микро- и макроструктуры становятся неразделимы не потому, что исчезают, а потому, что прежние описания теряют смысл в сетевом контексте. Поэтому говоря о сетевом пространстве памяти, мы имеем в виду не просто новый подход к определенной проблематике, а становление новой социально-философской методологии в неклассической парадигме, которая претендует на звание новой онтологии.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что история, а тем более память, не обладает той объективностью, которой ее принято наделять в науке. История есть пространство памяти, сконструированное посредством взаимодействий гетерогенных акторов. Любое историческое событие трансформируется, если меняется сеть отношений: «Объект остается тем же самым объектом, пока сохраняет свое место в устойчивой сети отношений» [5, с. 34]. Дж. Ло в своей работе «Объекты и пространства», желая продемонстрировать специфику сетевой оптики исследования, переосмысливает известный с античных времен пример «корабля Тесея». Он указывает, что идентичность корабля заключается не в аутентичности материалов или деталей, а в сохранении того места, которое он занимает в устойчивых сетевых взаимодействиях. Причем изменение одного, даже нескольких параметров, не мешает нам отождествлять анализируемый объект с кораблем, лишь бы сохранялось достаточное количество тех элементов, которые в нашем сознании с таким типом объекта устойчиво ассоциируются. На основании постепенного замещения отдельных связей можно наблюдать динамику социального объекта, при которой между исходным состоянием и современной модификацией лежит пропасть (как, например, между древнеримской триерой и современным «Шаттлом», по отношению к которым используется одинаковое определение «корабль»).

Та же самая динамичность и неоднозначность присуща и историческим событиям, поскольку «прошлое не может стать объектом чьей бы то ни было перцепции, так как оно уже не существует в настоящем» [8, с. 231]. Р. Коллингвуд решает эту проблему с помощью воображения историка, которое позволяет ему мыслить в настоящем прошлое, делая последнее «живым». Здесь мы снова сталкиваемся с проблемой объективности прошлого, или объективности описания прошлого, поскольку «субъективность, через которую проходит и которой осязается конкретная информация» [7, с. 8], не позволяет нам говорить о достоверных выводах. Изучая прошлое по разного рода артефактам, исследователю необходимо не только «очистить» собственную гносеологическую установку, но и озаботиться вопросом о непредвзятости самого автора артефакта (книги, картины...). Неоспоримо, что даже предвзятое мнение автора так или иначе «говорит» об исторической ситуации, но можно ли считать его объективным, не упираясь в проблему интерпретаций интерпретации?

По мнению теоретиков акторно-сетевой теории, подобный вопрос об объективности лишен смысла. Знание о прошлом доступно нам в той форме, в которой оно сконструировано нашими отношениями с прошлым. При каждом изменении сети отношений своей конфигурации объект (событие) становится другим по отношению к самому себе. Вопрос о том, «как все было на самом деле» в контексте акторно-сетевого подхода не просто неуместен – его не существует, поскольку любой объект формируется отношениями. Именно гибкость сети и возможность ее трансформации позволяют манипулировать историей в социальных, политических, идеологических и иных целях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья выполнена в рамках гранта Президента РФ МК-6968.2015.6 «Политика памяти в условиях межцивилизационного противостояния».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин, Д. А. Топосы социальной памяти в обществе риска / Д. А. Аникин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. – 144 с.

2. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М. : Наука, 1980. – 488 с.

3. Латур, Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Б. Латур // Социология вещей : сб. ст. – М. : Территория будущего, 2006. – С. 342–365.

4. Латур, Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2014. – 382 с.

5. Ло, Дж. Объекты и пространства / Дж. Ло // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5, № 1. – С. 30–42.

6. Олик, Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Д. Олик // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 40–74.

7. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания / Л. П. Репина. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

8. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое изд-во, 2007. – С. 13–17.

REFERENCES

1. Anikin D.A. *Toposy sotsialnoy pamyati v obshchestve riska* [Toposes of Social Memory in the Society of Risk]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2011. 144 p.

2. Collingwood R.J. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [Idea of History. Autobiography]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 488 p.

3. Latour B. *Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyy vklad "issledovaniy nauki" v obshchestvennyye nauki* [When Things Strike Back: a Possible Contribution of 'Science Studies' to the Social Sciences]. *Sotsiologiya veshchey. Sbornik statey* [Sociology of Things. Collected Articles]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006, pp. 342-365.

4. Latour B. *Peresborka sotsialnogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow, Izd. dom VShE, 2014. 382 p.

5. Law J. *Obyekty i prostranstva* [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2006, no. 1, pp. 30-42.

6. Olik D. *Figuratsii pamyati: protsessorelyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii* [Figuration of Memory: the Relational Methodology Illustrated on the Example of Germany]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2012, vol. 11, pp. 40-74.

7. Repina L.P. *Kulturnaya pamyat i problemy istoriopisaniya* [Cultural Memory and Problems of a Historiography]. Moscow, Izd. dom VShE, 2003. 44 p.

8. Halbwachs M. *Sotsialnye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow, Novoe Izd-vo Publ., 2007. 348 p.

DYNAMICS OF SOCIAL MEMORY: NETWORK BASES

Daniil Aleksandrovich Anikin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Theoretical and Social Philosophy,
Saratov State National Research University named after N.G. Chernyshevsky
dandee@list.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Alena Sergeevna Sivokon

Postgraduate Student,
Department of Theoretical and Social Philosophy,
Saratov State National Research University named after N.G. Chernyshevsky
alyonasivokon@yandex.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. The article deals with the prospects of studying social memory from the viewpoint of the actor-network theory. The methodological and categorial dictionary of the actor-network theory allows to reveal dynamic measurement of social memory. Joining in network structures, social memory loses the integrity and is defined by the communications arising between places of social memory. Communications caused a sociality of memory.

The dynamic understanding of social memory allows to rethink the settled ideas of the past and the present. In the context of network research temporary procedurality is not the dominating factor as by means of memory the past becomes the staticized (present). From positions of network approach the existing classification of types of social memory is overestimated. Actor-network theory levels basic distinction between local (individual) and global (collective) memory types owing to understanding of social memory as a network matrix.

Key words: social memory, actor-network theory, topos, history, network.